

1

Роман

25 марта 1965 года известный кинорежиссер Роман Воронов, проживающий на Кропоткинской улице, вышел из своей квартиры и по дороге привычно проверил содержимое почтового ящика.

В ящике находилось письмо в белоснежном конверте, на котором была выведена единственная фраза: «Тов. Воронову Р. Р.»

Роман хмыкнул, вскрыл конверт, вытащил сложенный вдвое листок и с нарастающим ужасом прочел:

Ваша дочь похищена.

Она будет возвращена вам в целости и сохранности только на нижеследующих условиях:

- 1. Вы должны немедленно приступить к съемкам кинофильма «Нос» по одноименной повести Н. В. Гоголя.*
- 2. Названная кинокартина должна быть выпущена в прокат 25 сентября 1965 года.*

В этот же день при соблюдении двух указанных выше условий ваша дочь будет возвращена вам.

NB. Прочие условия, соблюдение которых требуется от вас в обязательном порядке:

- если вы кому-либо покажете данное письмо или разгласите его содержание, ваша дочь будет убита;*
- если вы заявите о похищении в милицию, ваша дочь будет убита;*
- если вы уклонитесь от исполнения пункта № 1 основных условий, ваша дочь будет убита;*
- если вы по каким бы то ни было внешним причинам не сумеете провести в жизнь исполнение пункта № 1, ваша дочь будет убита;*
- если вы сумеете осуществить предписанное пунктом № 1, но пункт № 2 окажется не соблюденным, ваша дочь будет убита.*

— Что за бред? — пробормотал вслух Роман.

Он скомкал письмо и хотел было выбросить его в ближайшую урну на улице, но вдруг призадумался.

Его двенадцатилетняя дочь Азия утром, как всегда, ушла в школу. Сейчас она, без сомнения, там...

То есть почему «без сомнения»? Надо проверить. Да, надо немедленно поехать в школу и убедиться, что с Азией все в порядке. А потом... Что потом?

«Потом видно будет!» — заключил Роман и поспешил к своей автомашине «Волга». Скомканное письмо он сунул в карман замшевой куртки.

Через пять минут он был в вестибюле школы.

Так, расписание... Шестой «А», шестой «А»... Вот он. Сейчас у них второй урок — литература. Кабинет 203!

Роман рванул на второй этаж и энергично постучал в классную дверь костяшками пальцев.

Открыла незнакомая Роману учительница.

— Извините, я отец Азии Вороновой. Можно ее на минуту?

— А ее нет, — ответила учительница и зачем-то оглянулась в класс.

— Как нет?! — почти выкрикнул Роман. Сердце его ушаченно забилося. — Где же она?!

— Да вы не волнуйтесь, — успокаивающе сказала учительница. — Все выяснится. Сейчас спросим у ребят.

Роман прошел в класс и окинул взглядом три десятка притихших сверстников его дочери.

— Ребята, кто-нибудь видел сегодня Азию Воронову? — громко спросила учительница. — Это ее папа, — пояснила она, кивая на Романа.

Ответом было гробовое молчание. Некоторые замотали головами, но никто понятия не имел, куда пропала Азия.

— И что, — внезапно осипшим голосом спросил Роман, обращаясь не то к учительнице, не то к школьникам, — на первом уроке ее тоже не было?

— Нет, — ответила женщина. — Первым уроком у нас был русский язык. В этом же классе. Азия не приходила.

— Может, кто-нибудь что-нибудь... знает? — запинаясь, спросил Роман. — Где она может быть? А?

Учительница обернулась к аудитории и вновь повысила голос:

— Ребята, если кто-то что-то знает, что-то слышал, скажите, пожалуйста! Таня! — обратилась она к одной девочке. — Ты ведь дружишь с Азией? Когда ты ее в последний раз видела?

Таня встала и тихо сказала:

— Вчера.

— В какое время?

— После уроков. Мы вышли из школы, она меня проводила до дома и тоже пошла домой. Она чуть дальше живет.

— Вчера Азия вернулась вовремя, — нервно заговорил Роман. — И сегодня рано утром ушла в школу. Как обычно.

— Но в школе ее не было, — вздохнула учительница и развела руками.

— Ясно, — выдавил Роман и быстро покинул класс.

— Подождите! — нагнала его учительница. — Вы не волнуйтесь, это у них бывает — в таком возрасте...

— Что бывает? — не без раздражения отозвался Роман.

— Они могут уйти из дома. Даже девочки, бывает, уходят.

— Только не Азия! — отрезал Роман.

— Ненадолго, — продолжала увещевать учительница. — Уверена, она сегодня же вернется в школу или домой. И сама вам все расскажет. Я с вами свяжусь, если что...

Роман обернулся и, ни слова не говоря, поспешил вниз, даже не удосужившись оставить педагогу свой номер телефона.

«Она наверняка знает», — уже на улице подумал Роман, впервые за это утро вспомнив о своей жене Элле.

* * *

Роман сел в машину и обеими руками облокотился на руль.

Ну что теперь делать? Где искать Азию?! Куда бежать, что предпринимать?..

К этим вопросам, на которые пока не было ответа, примешивалось раздражение Романа к учительнице, имя-отчество которой он так и не спросил, ибо на подобные подробности ему сейчас плевать... Но как эта безымянная особа посмела так безучастно отнестись к его беде?

Беде? Но почему сразу беде? Нет, конечно же, она права. Все выяснится — и очень скоро. И окажется, что это какое-то пустяковое дело, которое уже завтра забудется...

И все же сам тон и слова учительницы Роману решительно не понравились. Почему вдруг она решила,

что Азия сбежала из дома? Предположить такое про Азию — дичь!

И откуда такие выводы про побег из дома, если девочка всего-навсего не пришла в школу? Этой учительнице стоило бы для начала сделать совсем другое предположение — что Азия сегодня попросту прогуливает!

Однако Роман прекрасно знал, что его дочь никогда не пропускает школу. И если сегодня ее там не оказалось, значит, случилось что-то чрезвычайное. Но что?

Тут Роман вспомнил о сегодняшнем письме. С того момента, как он вошел в школу, это проклятое письмо напрочь вылетело из его головы.

Роман вытащил скомканный листок из кармана и с отвращением расправил его.

Он внимательно прочел письмо три раза подряд, но так ничего и не понял. Вернее, все было понятно, но не укладывалось в голове. Писал явно больной человек. Но неужели... этот псих действительно похитил Азию?

— Боже мой, — вслух прошептал Роман.

Конечно, надо идти в милицию! И чем скорее, тем лучше... Но только что там сказано про милицию, в этом идиотском письме?

«...если вы заявите о похищении в милицию, ваша дочь будет убита», — нашел Роман нужное место.

Ну нет, этот псих, кто бы он там ни был, его не запугает! Роман сейчас же пойдет с этой мерзкой бумажкой в милицию...

«Но погоди, погоди! — вдруг резко остановил себя Роман. — Что значит «тебя не запугает»? Разве речь идет о тебе? Речь о твоей дочери — самом дорогом, что есть у тебя в жизни! Если бы кто-то угрожал исключительно твоей жизни, ты бы, разумеется, и пальцем не пошевелил. Просто не отнесся бы серьезно к подобным угрозам. Но поскольку дело касается твоей родной дочери, ты должен быть внимателен, рассудителен, осторожен и даже пуглив (да-да, пуглив!), как не был никогда в жизни!»

Стало быть, не надо сейчас пороть горячку и немедленно нестись в милицию. Необходимо все хорошенько обдумать...

«А пока ты будешь думать, — со злостью вспылил Роман, — с Азией может случиться...»

Он не смел даже в мыслях предположить, что с Азией может случиться что-то плохое.

Роман еще раз перечитал строчку: «...если вы заявите о похищении в милицию, ваша дочь будет убита».

Так, если я заявлю о похищении... Но если я не буду заявлять о похищении, а заявлю только о том, что пропал мой ребенок? Получается, против этого автор письма не возражает...

В самом деле, возможно ли требовать от родителя, чтобы он не заикался об исчезновении своей дочери? То есть чтобы несчастный родитель ото всех скрывал этот факт? Письменный аноним прекрасно понимает, что это невозможно. И в отношении заявления об

исчезновении аноним, похоже, развязывает ему руки. Он предупреждает только об одном: ни слова о моем письме и о том, что девочка похищена!

А он все-таки не полный кретин, этот аноним. Псих, конечно, но не идиот. И письмо-то как грамотно составлено — прямо юридический документ... Ах, попадись он мне в руки, голову бы ему открутил, живого бы места не оставил... Но это все после. Сейчас — милиция.

* * *

Перед тем как поехать в милицию, Роман наведалься домой.

Элла была на кухне и варила обед.

Роман прошел по квартире и убедился, что дочери дома нет.

— Ты знаешь, где Азия? — спросил он у Эллы.

— В школе, — отвечала та, не оборачиваясь от кастрюли.

— Там ее нет, — сказал Роман.

Элла по-прежнему не обернулась. И ничего не сказала.

Больная! Она тоже больная — по-своему. У нее болезнь сдержанности, доходящей до тупоумия. Равнодушие, в котором, казалось, непрерывно пребывала Элла, граничило с неадекватностью. Ее ничто не интересует, ничто не заботит... Даже родная дочь, как видно.

Роман знал (или думал, что знал), по какой причине его жена именно такая, но сейчас у него не было времени об этом задумываться.

Он спешно покинул квартиру и помчался в милицию.

— Когда пропала девочка? — спросил лейтенант, когда Роман вкратце изложил ему дело.

— Я ведь уже сказал: сегодня утром! — занервничал Роман.

— Спокойно, товарищ, — дружелюбно отозвался лейтенант. — Сейчас время обеда... Если ваша дочь, как вы сами говорите, пропала только сегодня утром, то... Одним словом, не стоит торопить события. Думаю, очень скоро она найдется. Сама.

— Ах, вы думаете?! — чуть не задохнулся от бешенства Роман. — Так, позовите мне кого-нибудь более опытного, более... взрослого!

Молодой лейтенант слегка покраснел:

— Послушайте, товарищ, я не со вчерашнего дня здесь работаю. Я знаю, что делаю. Если человек отсутствует всего несколько часов, мы не можем начать розыск...

— Не просто человек, — резко уточнил Роман, — а ребенок!

— Тем более. — Лейтенант оставался таким же спокойным. — Дети иногда могут... отлучиться и никого не предупредить.

— Моя дочь так не делает, — прошипел Роман.

— Давайте так, — вздохнул лейтенант. — Если в течение суток ваша дочь не найдется и вы ничего о ней не узнаете, то приходите завтра утром. Но я уверен, что вы не придете. Поверьте, такие случаи происходят чаще, чем вы думаете. И родители обычно очень нервно на это реагируют. И их можно понять! Я сам понимаю, хотя пока еще не родитель... Но повторяю: у нас дети не пропадают. В моей практике, например, не было случая, чтобы максимум через два-три дня ребенок не нашелся бы в целости и сохранности...

Роман слушал лейтенанта со страдальческим лицом, но на предпоследней его фразе вдруг оживился:

— Не пропадают, говорите? А бывает у нас такое, чтобы детей похищали?

Роман выпалил это неожиданно для себя — и в тот же миг испугался своих слов.

Тебя ведь предупредили: никому ни слова! А ты... Так-то ты заботишься о безопасности своей дочери... Сейчас этот лейтенант что-то заподозрит, объявит своему начальству о похищении, потом эта весть дойдет до преступника — и тогда...

Но лейтенант и не думал относиться серьезно к вопросу Романа. Он даже не смог сдержать улыбки:

— Товарищ, ну вы что? Где это видано, чтобы в Советском Союзе похищали детей? Это бывает только в капстранах. У каких-нибудь богатеев там, случается, и похищают, но чтобы у нас...

— Да, у нас так не бывает, — мрачно согласился Роман.

— Вот именно! — Лейтенант снова улыбнулся. — Не беспокойтесь, пожалуйста: ваша дочь отыщется. По-другому просто и быть не может!

Эти последние слова застряли у Романа в голове. Покинув милицейское отделение и вновь усевшись за руль, он все повторял про себя: «По-другому просто и быть не может... По-другому просто и быть не может...»

И какая-то неоправданная внутренняя уверенность, сидевшая в Романи, соглашалась с этой фразой. Может быть, именно это оптимистическое чувство позволило ему не впасть ни в истерику, ни в панику...

* * *

Прошла неделя, потом другая.

И ничего не изменилось.

Об Азии так и не было ничего слышно.

Роман целыми днями названивал в милицию, но там ему раз за разом отвечали одной и той же фразой:

— Пока еще не нашли, товарищ Воронов...

Роман забросил все — работу, друзей, не говоря уже о развлечениях. Случалось, он не ел с утра до вечера и даже не вспоминал о том, что голоден.

Он искал.

За две недели он лично и подробно (а иногда и не по одному разу) успел поговорить со всеми без исключения учителями Азии, со всеми ее одноклассниками и даже с родителями некоторых из них.

Однако все было без толку. Никто ничего не знал. Хуже того — никто ничего не мог предположить.

Роман, словно заправский сыщик, десятки раз обошел и облазил всю Кропоткинскую. Особое внимание он уделил маршруту, которым его дочь шла в школу и обратно.

Он приставал к прохожим, суя им под нос фотокарточку своей дочери. Он заходил к жителям тех домов, мимо которых ходила его дочь. Он заклеил объявлениями всю эту — и не только эту — улицу.

Результата не было.

Разумеется, Роман ни на минуту не забывал об омерзительном письме, полученном в то злополучное утро.

Это письмо жгло ему карман. Раз сто, наверное, Роман порывался отнести его в милицию, но что-то его останавливало. Вернее, не «что-то», а известно что: многократно повторенное в письме «...ваша дочь будет убита».

В конце концов, он сжег это послание.

Роман боялся, что кто-нибудь случайно обнаружит его и тем поставит под угрозу жизнь его дочери.

Гнусный же текст послания Роман успел выучить наизусть. До конца жизни он не забудет этих слов,

этого почерка, вида этих закорючек вплоть до последней запятой...

Об Элле на протяжении всех этих дней Роман практически не думал. О самом ее существовании он вспоминал лишь в те редкие минуты, когда забегал домой.

Спал он теперь отдельно — в комнате Азии.

Элла же никак (по крайней мере, внешне) не реагировала ни на исчезновение дочери, ни на мучения Романа. Она не принимала участия в поисках, не произносила ни слова на эту тему и вообще как будто превратилась в еле заметную тень, почти неслышно присутствующую в их общей с Романом квартире.

Отцом Эллы был русский дипломат Иван Дикобразов, в двадцатые годы служивший в советском посольстве в Токио. Там он познакомился с красивой японской девушкой Матико, на которой вскоре и женился.

В начале 1930-х, когда японцы вторглись в Маньчжурию и отношения между Японией и СССР осложнились, Иван вернулся в Москву, куда привез с собой и Матико.

В 1933 году у Ивана и Матико родилась дочь Элла.

Когда началась Великая Отечественная, Иван ушел на фронт добровольцем, не пожелав воспользоваться предоставленной ему бронью.

В течение четырех лет он ни разу не был ранен, но летом 1945 года был отправлен на Первый Даль-

невосточный фронт, где советские войска помогали братским монголам громить Квантунскую армию.

Там-то Иван и был сражен японской пулей.

Получив известие о гибели мужа, без памяти любившая его Матико совершила харакири кухонным ножом. Это случилось прямо на глазах у ее двенадцатилетней дочери Эллы.

Об этом Элла рассказала Роману лишь недавно — Азия тогда уже ходила в школу.

И Роман сделал вывод, что именно этим трагическим происшествием следует объяснить наличие некоторых странностей в характере Эллы, которые обнаружились опять-таки не сразу, а лишь после рождения Азии.

До замужества Элла была талантливой киноактрисой, сыгравшей несколько заметных ролей в фильмах 1950-х годов. К сожалению, ее яркая внешность полукровки была не слишком востребована в советском кино.

В 1951 году Роман — тогда начинающий режиссер «Мосфильма» — экранизировал лермонтовскую «Бэлу». На роль заглавной героини он и утвердил Эллу Дикобразову.

Вскоре после съемок режиссер и актриса поженились.

В 1953-м у них родилась дочь, для которой Роман выбрал имя Азия, сокращенно — Ася.

Элла после рождения ребенка оставила кинематограф и стала домохозяйкой.

Роман, напротив, не вылезал из бесконечных съемок, которые к тому же предпочитал осуществлять на натуре. За пятнадцать лет активной кинорежиссерской работы он побывал (и снимал) во всех уголках Советского Союза.

До поры до времени Роман считал, что Элла прекрасно воспитывает их дочь.

Однако жена почему-то год от года становилась все более замкнутой. Роман заметно охлаждался к ней и все больше привязывался к Азии, которую, впрочем, видел нечасто.

Но теперь... теперь все будет по-другому. Когда он найдет Азию, он будет проводить с ней все свободное время. И не только свободное — он станет брать ее с собой на съемки. Ну конечно! Она ведь уже взрослая... А этой ее бесчувственной матери Роман теперь ни за что не доверит Азию. Все, хватит: настал его черед заниматься их общим ребенком!

* * *

К началу апреля Роман пришел к выводу, что ему во что бы то ни стало следует выполнить требования, поставленные неизвестным маньяком в полоумном письме.

Другого выхода у Романа просто не было. Он сделал все, что мог. Осталась только эта, последняя возможность...

Собравшись с мыслями, Роман взял с полки томик Гоголя и за один вечер написал киносценарий по его повести «Нос».

На следующий день он отправился с этим сценарием к директору «Мосфильма» Сурина.

— Добрый день, Владимир Николаевич, — тихо, без интонации произнес Роман, входя в кабинет директора.

— А, Роман Родионыч, — протянул Сурин. — Заходите, заходите...

Директор, разумеется, знал о беде, постигшей Романа. Поэтому он заранее приготовился отнестись участливо к любой его просьбе. Однако просьба (если только ее можно было так назвать) Романа застала Сурина врасплох.

— Вот заявка на киносценарий, — объявил Роман, кладя перед директором листок бумаги. — А вот сам сценарий, — добавил он, положив следом тонкую папку с несколькими машинописными листами.

— Так-так, любопытно, — пробормотал Сурин и стал читать заявку. — Ага, Гоголь! Николай, значит, Васильевич... Повесть «Нос»... Гм...

Директор отложил листок в сторону и призадумался. Роман смотрел на него устало-безразличными глазами.

— Позвольте, Роман Родионыч, — вдруг вспомнил Сурин. — Я еще подумал, где это я недавно... По телевидению буквально месяц или два назад была постановка. Именно эта — «Нос» Гоголя!

— Так ведь то по телевидению, — мрачно произнес Роман.

— Да, конечно. — Директор забарабанил по столу пальцами. — На телевидении это все гораздо проще... Они уже там поставили чуть ли не всю нашу классику...

— Вот именно, — вставил Роман.

— А вы, стало быть, хотите снять именно «Нос»?

— Да, — твердо ответил Роман. — Именно.

— Но у вас же, кажется, была другая заявка. — Директор стал выдвигать ящики стола. — Что же там у вас было? Ах да, «Неточка Незванова». Так ведь?

— Так, — вынужден был признать Роман. — Но я передумал.

— А мне казалось, вы так хотели...

— Однако вы меня отговаривали, — напомнил Роман.

— Отговаривал, но... не настаивал на своем! — нашелся Сурин.

— Вот и сейчас не настаивайте, — произнес Роман. Это прозвучало не совсем вежливо, и при других обстоятельствах директор непременно попенял бы режиссеру за это. Но сейчас его, конечно, можно понять, этого Воронова... Все-таки единственная дочь пропала. А он еще находит в себе силы писать сценарии, планировать съемки... Это, пожалуй, заслуживает уважения.

— Это немного странно, — сказал Сурин. — Вы так быстро меняете планы... И произведения, при-

зняться, выбираете одно другого хлеше. То «Неточка» эта, то теперь вот «Нос»...

— Что ж вы имеете против «Носа»? — тяжело усмехнулся Роман.

— Вообще-то ничего, — пожал плечами директор, — но, согласитесь, сочинение специфическое...

— Как и все великие сочинения, — сказал Роман.

— Может быть, вы и правы, — слегка улыбнулся Сурин. — Но знаете, — вдруг вспомнил он, — у нас ведь сейчас уже снимают Гоголя!

Роман нахмурился:

— Что, на «Мосфильме»?

— Да, я же говорю: у нас.

— И кто снимает?

— Какие-то начинающие, — махнул рукой директор. — Не помню фамилий. Их двое. Но идею протолкнул Пырьев. И сейчас им там, этим молодым, Птушко помогает...

— А какая картина?

— «Вий».

— Любопытно, — проговорил Роман. — Вы не находите, что «Вий» — еще более своеобразная вещь, нежели «Нос»?

Директор поморщился:

— Я бы так не сказал... «Вий» — это вроде «Ночи перед Рождеством». Видели ведь этот фильм Роу? Ну а куда один наш сказочник, туда и другой: я имею в виду Птушко...

— Это все понятно, — нетерпеливо перебил Роман. — Но «Нос» в любом случае далек от сказочных повестей Гоголя... Это петербургская повесть, сатирическая.

— Сатира, сами знаете, у нас не особо приветствуется, — вздохнул Сурин.

— Что — даже сатира, которой чуть не двести лет в обед?

— Вот если бы вы взялись за «Женитьбу», — уклончиво отвечал директор. — «Ревизор» у нас уже есть, хорошо бы еще «Женитьбу»...

— Я хочу ставить только «Нос», — недрогнувшим голосом сказал Роман. — Вот уже и сценарий есть...

— Э-эх, — протянул Сурин. — Навалились вы на меня все... Эти двое «Вия» снимают, Алов с Наумовым — «Скверный анекдот», тоже вещь та еще... А теперь вы с «Носом»!

— Спрос советского зрителя на экранизированную классику необычайно велик, — почти издевательски произнес Роман.

— Возможно, — сухо сказал директор. — И все-таки, голубчик, повременили бы вы с «Носом»... По крайней мере до той поры, пока не выйдут «Вий» и «Анекдот» этот самый... Поглядим заодно, так ли советский зритель жаждет видеть подобное кино...

— «Нос» я сниму еще раньше, — заверил Роман. — У меня все готово.

— Да, сценарий, вижу, готов, — директор поднял и опустил на стол папку. — И не сомневаюсь, что сценарий хороший...

— Не сомневайтесь. Но у меня готово и все остальное. Съёмочная группа. Декорации будут построены в один миг — я уже обсуждал это со своим художником...

— Что-то вы как-то слишком торопитесь, — растерянно отозвался Сурин.

— Я был уверен, что вы мне не откажете...

— И все-таки вы поторопились. Вы бы сначала зашли ко мне, а уж потом...

— Поймите, я полагал, что юбилей Гоголя, к которому я планирую закончить картину, сам по себе снимает все вопросы.

— А у Гоголя юбилей? — осекся директор.

— Да, осенью, — не моргнув глазом, солгал Роман. — Сто пятьдесят лет.

— Вот, значит, как, — хмыкнул Сурин. — Ну что ж, надо подумать...

— Чего же думать? — негромко возразил Роман. — Пора действовать. Иначе к юбилею не успеем.

Директор усмехнулся:

— Вы что же, Роман Родионыч, хотите выпустить свой «Нос» именно в день гоголевского стопятидесятилетия?

— Да.

— А когда оно?

— Двадцать пятого сентября, — вновь солгал Роман. Он был вынужден пойти на этот риск, пред-

почитая не задумываться о том, что будет, когда его разоблачат.

— Ну что вы, голубчик! — покачал головой Сурин. — Об этом нечего и думать. Как же вы все успеваете?..

— Успею. Я все просчитал. Фильм готов — осталось только снять его.

— Даже если вы снимете его... не знаю, к концу лета...

— Раньше, — перебил Роман.

— Пусть даже раньше, — кивнул директор. — Но вы же знаете: пока его напечатают, пока то да се...

— Придется поторопиться. Уж ради юбилея Гоголя можно сделать такое исключение.

— Не знаю, не знаю, — все еще сомневался Сурин. — Вот что, зайдите-ка через неделю...

— Если будем откладывать, тогда точно не успею. — Тон Романа стал вконец безапелляционным, и это уже откровенно не понравилось директору.

— Воля ваша, — отрезал он, — но прямо сейчас я не могу дать «добро». Я не привык решать с кондачка...

Поняв, что дальнейшие уговоры бессмысленны, Роман встал и молча вышел из кабинета.

* * *

Ждать еще неделю Роман вовсе не собирался. Вместо этого он отправился напрямик к Романову, министру кинематографии.

Как ни удивительно, Романов Романа принял. Видно, тоже был наслышан о его беде.

— Здравствуйте, здравствуйте, — почти приветливо сказал министр, когда Роман вошел к нему. — Товарищ Воронов, стало быть... Роман?

— Родионович, — подсказал Роман.

— Вот как, — хмыкнул Романов. — Прямо что-то такое из Достоевского... Вы, кажется, что-то по нему ставили?

— Не совсем, — покачал головой Роман. — В данный момент меня больше интересует Гоголь. Именно по этому поводу я к вам и пришел.

— Рад буду выслушать, — произнес министр. — Садитесь.

— Так вот, — начал Роман, присев, — я хочу поставить картину «Нос». По повести Гоголя. А на «Мосфильме», видите ли, сомневаются...

— Сурин, что ли, сомневается? — спросил министр.

— Он самый.

— И какие же у него сомнения?

— Сам не понимаю, какие сомнения может вызывать Николай Гоголь.

— Васильевич, — уточнил Романов. — Николай Васильевич Гоголь. Да, это фигура бесспорная. И что же ваш Сурин?

— Перестраховывается, — снисходительно пояснил Роман.

— Это бывает, — кивнул министр. — И вы, значит, от него ко мне? Решили, что я не стану перестраховываться?

— Решил, Алексей Владимирович.

— А вы понимаете, Родион... то есть простите, Роман... э-э, Родионович... вы понимаете, что визитом ко мне вы рискуете испортить отношения с Суриным? Тем более если я на него надавлю.

— Я понимаю, — кивнул Роман. — Но фильм для меня — важнее всего. Отношения в этом случае отходят на второй план.

— Что ж, это похвально, — произнес министр. — Вы, как я погляжу, энтузиаст своего дела... А кого хотите снимать?

Роман почему-то не ожидал этого вопроса:

— То есть — в «Носе»? В этом самом будущем фильме? Я хочу снимать... Юрия Никулина.

Роман знал, что к Никулину равнодушно практически все советские зрители — от малых детей до самого высокого начальства. И его расчет оправдался.

— Никулин. — Министр сразу же заулыбался. — Как же, как же... Замечательный артист. Но только разве у него такой уж большой нос?

— Кажется, не такой уж, — еле сдержал усмешку Роман. — Но здесь это неважно, в смысле — для этой роли...

— Но вы же хотите снимать его в *главной* роли? А там, как я понимаю, требуется актер с таким рубильником, шнобелем, понимаешь...

— Простите, — отозвался Роман, — но у Гоголя ничего такого не говорится...

— Да что вы! — удивился Романов. — А мне почему-то казалось... В чем там тогда сюжет-то, в этом «Носе»?

Предчувствуя нехорошее, Роман выдал:

— Нос отделяется от человека и живет своей жизнью... Он как бы становится еще одним, новым человеком... Это, если хотите, такая фантастика, фантазия...

Министр нахмурился:

— Да уж... Признаться, я этого как-то не ожидал, как-то вот позабыл об этом совсем... Гм, даже не знаю, что вам тогда сказать... Хоть это и Гоголь, но все-таки...

Роман принялся хвататься за соломинку:

— У меня уже все готово. Сценарий, декорации. Никулин согласен...

— Не знаю, не знаю, — продолжал сомневаться Романов.

— Я закончу картину в рекордные сроки! — выпалил наконец Роман. — Аккурат к юбилею Гоголя.

— А у него юбилей?

— Да, этой осенью.

— Что ж, это меняет дело, — неохотно произнес министр. — Хотите сказать, к юбилею картина точно будет готова?

— На сто процентов.

— Э-эх, — вздохнул Романов, — что с вами делать... Ладно уж, дам отмашку вашему Сурину.

И, сняв телефонную трубку, министр приказал соединить его с директором «Мосфильма».

* * *

Уже к середине апреля все было готово к съемкам.

Роман собрал группу преимущественно из тех, с кем работал раньше. Художником-постановщиком стал Евгений Куманьков, оператором-постановщиком — Сергей Полуянов... Над музыкой к будущему фильму уже начал работать Борис Чайковский.

Были утверждены и актеры.

Роман действительно пригласил Юрия Никулина, но не на главную, а на второстепенную роль — цирюльника Ивана Яковлевича.

Главного же персонажа — майора Ковалева — должен был сыграть Юрий Яковлев.

Также в картину попали два Евгения: Леонов (слуга Ковалева) и Евстигнеев (чиновник в газетной экспедиции).

Роль самого Носа согласился исполнить друг Романа — и тоже кинорежиссер — Владимир Басов.

Всех удивило только желание Романа полностью снять картину в павильонах «Мосфильма» вместо напрашивающегося, казалось бы, решения снимать на натуре, в тех самых петербургских местах, которые описаны в повести.

— Да нет, Роман, что-то не то ты делаешь, — сказал Воронову Басов за день до съемок. — Ты посмотри только... — Он открыл томик Гоголя и стал водить пальцами по страницам: — Вот, Иван Яковлевич живет на Вознесенском проспекте... Выкидывает нос в Неву на Исаакиевском мосту... Майор встречается с Носом в Казанском соборе... Да ты ведь и сам все это знаешь! Какого же черта мы не снимаем в Ленинграде?

— Режиссер в данном случае — я, — холодно напомнил Басову Роман. — А ты тут — только приглашенный актер.

— Но ты мне объясни, может, я пойму? — не успокаивался Владимир. — Какую такую художественную задачу ты вкладываешь в эту павильонщину? Тем более за тобой этого никогда не водилось... Беднягу Куманькова только напрасной работой загрузил...

— Если бы снимали в Ленинграде, можно было обойтись вовсе без художника, — поморщился Роман. — А причина, как ты выразился, павильонщины одна — так будет быстрее.

— А куда торопиться? — пожал плечами Басов.

Роман посмотрел на него с ненавистью:

— Значит, есть на то причины...

— Может быть, все-таки скажешь о них?

— Если хочешь знать, я просто остыл к этой картине, — сквозь зубы выдавил Роман.

— Как — уже? — ахнул Басов. — Еще и снимать не начали!

— Ничего не поделаешь, — развел Роман руками.

— Ну так не снимай! Откажись. Еще не поздно...

— Нет, я сниму. Быстро, но сниму. И забуду об этом.

Басов хмыкнул:

— Мог бы и сразу сказать... А то мне не особо хочется в халтуре участвовать.

— Халтуры не будет, — заверил Роман. — Будет добротная скромная картина. Просто снятая в павильоне.

— Вообще, странно как-то, — протянул Басов. — Я всегда считал тебя самым, так сказать, знающим режиссером на студии. Мы же все всегда сомневаемся, и я в том числе... Но про тебя я и подумать такое не мог...

— Что ж, теперь ты знаешь, что я ничем не отличаюсь... Ну так что — будем работать?

— Будем, — вяло ответил Басов.

— И режиссер на площадке один, согласен?

— Ты же меня знаешь! Когда я только актер, я только актер. Я же не на площадке этот разговор с тобой затеял, а наедине. По дружбе.

— Да, извини, — кивнул Роман. — Рад, что проявляешь солидарность. Я ведь вижу: материал тебе не очень...

— Да нет, нормально, — не слишком горячо возразил Басов. Он, разумеется, ни за что не признался бы товарищу, что согласился сниматься у него прежде

всего потому, что посчитал бы бессовестным отказать человеку, пережившему — и до сих пор переживающему — такую утрату...

* * *

Первый день съемок проходил 25 апреля.

Во время обеденного перерыва ассистентка нашла Романа в буфете и сообщила:

— Роман Родионыч, вас к телефону...

— Кто там? — поморщился Роман, с отвращением дожевывая невкусный бутерброд.

— Не знаю, — пожала плечами ассистентка. — Говорят, срочно...

«Может, из милиции?» — мелькнуло в голове у Романа, и он поспешил к аппарату.

— Да-да, Воронов, слушаю, — быстро сказал он в ожидавшуюся его трубку.

— Здравствуйте, товарищ Воронов, — слышался вкрадчивый голос на том конце провода.

— Здравствуйте-здоровствуйте, с кем я говорю? — поторопил Роман.

— Вы сейчас один? — ответил голос вопросом на вопрос.

— Один! — подтвердил Роман и сделал ассистентке знак, что она может идти.

— Это очень важно, чтобы вы были один, — с прежней медлительностью продолжал голос. — Это в ваших интересах, понимаете?

Роман похолодел.

— Кто это? — уже другим тоном повторил он.

— Можете звать меня Ковалев, — произнес голос.

— Ковалев? — повторил Роман. — Что, как гоголевский майор?.. Так это ты — автор письма? Ах ты сволочь!

— Спокойно, товарищ Воронов, спокойно, — отозвался представившийся Ковалевым. — Я не намерен разговаривать в таком тоне. Если еще раз позволите себе грубость, я тут же положу трубку. А это тоже, как вы понимаете, не в ваших интересах — чтобы я положил трубку...

Роман немедленно взял себя в руки:

— Хорошо, хорошо, такого тона больше не будет, обещаю. Так я слушаю. Я слушаю, слышите?

— Слышу, — проговорил голос. — Я, собственно, звоню только затем, чтобы поздравить вас с началом съемок...

— Моя дочь у вас? — перебил Роман.

— У меня. С ней все в порядке, можете не сомневаться.

— Я выполнил ваши условия. Вы можете отпустить ее. Или давайте я за ней заеду, куда скажете.

— Вы что-то путаете, товарищ Воронов, — сказал Ковалев и поцокал языком. — Вы еще никак не могли выполнить все мои условия. Ибо важнейшим из них является то, чтобы фильм вышел в прокат...

— Да, 25 сентября, — снова перебил его Роман. — Именно в этот день фильм и выйдет — я уже дого-

ворился. Так что ваши условия уже выполнены, вы понимаете?! Картина запущена, назад дороги нет. Я сниму ее в любом случае. И выпущу 25 сентября.

— И в этот же день, — напомнил Ковалев, — ваша дочь к вам вернется. Ведь так было сказано в письме? Впрочем, я уверен, что вы прекрасно об этом помните.

— Помню, конечно, — процедил Роман сквозь зубы. — Но неужели нельзя пересмотреть то, что вы там понаписали?

— Увы, товарищ Воронов, положения моего письма пересмотру не подлежат.

«Псих!» — мысленно воскликнул Роман, но вслух лишь сдержанно произнес:

— Может, вам нужны деньги? Я найду, сколько потребуется. Я все могу для вас сделать!

— Вы уже делаете, — озадаченно сказал Ковалев. — Вы снимаете нужный мне фильм. Ничего иного не требуется.

— Хотите, возьмите в плен меня? — выдвинул следующую альтернативу Роман. — Отпустите мою дочь, а я займу ее место. Ведь это даже почетнее для вас — иметь в заложниках не дочь известного режиссера, а самого этого режиссера...

— Товарищ Воронов, вы говорите какую-то несусразицу, — укоризненно молвил Ковалев. — Если я, как вы выразились, возьму вас в плен, вы же не сможете продолжать съемки... Тем более что я никого в плену не держу.

— А мою дочь? — простонал Роман.
— И ее не держу.
— Так она не у вас?!
— Она у меня. Но не в плену, а в гостях. Просто в гостях, товарищ Воронов.

Роман замолчал на несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. Он решительно не понимал, как разговаривать с этим идиотом...

— Если бы моя дочь была у вас в гостях, — наконец проговорил он, — то уже давно вернулась бы домой. А раз не вернулась, значит, вы ее не пускаете!

— Уверяю вас, товарищ Воронов, я никак ей не препятствую, — возразил Ковалев. — Если бы она захотела, то вернулась бы. А раз не вернулась, значит, не захотела.

«Зачем он морочит мне голову? — в отчаянии подумал Роман. — Впрочем, что взять с психа... Может, получится подловить его на противоречиях? Черт его знает, может, с таким придурком это и сработает...»

— Слушайте, Ковалев, или как вас там, — сказал вслух Роман, — раз уж вы позвонили, не могли бы вы дать трубку моей дочери?

— Товарищ Воронов, я звоню не из дома, — немало изумленно отвечал голос.

— А она у вас дома? Моя дочь у вас дома?!

— Можно сказать и так, — туманно выразился Ковалев.

— Так почему же она не звонит? — сквозь зубы процедил Роман. — Если вы ее ничем не сковываете?